

В раскаленной атмосфере тех лет чувствовалось приближение трагических свершений и неизбежных перемен. Назревавшие и происходившие перемены, на свой лад, отмечали писатели различных направлений. Так, Вирджиния Вулф относил их к 1910 г.: «Я отнюдь не утверждаю, что одним прекрасным утром люди вышли в сад и увидели, что там распутилась роза или курица снесла яйцо. Изменения не были столь внезапными и определенными. Но все-таки изменения произошли. Допустим, что они относятся примерно к 1910 году. Первые тому свидетельства можно обнаружить в книгах Самюэла Батлера, особенно в романе „Путь всякой плоти“; другим тому примером являются пьесы Бернарда Шоу <...> Изменились все наши взаимоотношения — между господами и слугами, мужьями и женами, родителями и детьми, а когда меняются человеческие взаимоотношения, наступают перемены в области религии и нравов, в политике и литературе»⁷.

Много лет спустя французский социолог Люсьен Гольдман скажет: «В 1910 году буржуазное общество жило, преисполненное оптимизма и уверенности в настоящем; период революционных потрясений, происходивших с 1789 по 1848 годы, давно уже закончился; правящие классы, которые не ощущали никакой угрозы своему существованию, интегрировали даже взгляды социалистов и превратили их в конструктивные элементы существующего равновесия. Несколько локальных войн и даже Парижская Коммуна казались всего лишь эпизодами, ограниченными и слишком малочисленными для того, чтобы поколебать спокойствие правящих классов и их уверенность в будущем, которое должно всегда походить на настоящее <...> На самом деле, в 1910 году, хотя еще немногие отдавали себе в том отчет, этот период уже подходил к концу, и невидимые трещины прорезали все здание, фасад которого еще казался прочным. Бесспорно, несколько мыслителей-марксистов разработали теорию империализма, но их идеи не проникали в официальные и университетские круги. Спустя четыре года разразится первая мировая война»⁸.

Разумеется, дату 1910 год нельзя абсолютизировать. Несомненно другое: именно на рубеже 10-х годов дали о себе знать особенно отчетливо глубокие изменения в общественной жизни, в литературе и искусстве, связанные с наступлением эпохи империализма. Недаром именно в канун мировой войны В. И. Ленин разрабатывает учение о двух культурах в каждой национальной культуре. С одной стороны, в преддверии пролетарской революции, Ленин намечал перспективы развития подлинно демократической, социалистической культуры; с другой стороны, он подчеркивал глубокий упадок реакционной культуры господствующих классов.

Налицо — ощущение распада старых связей и возникновения новых, неотвратимое вторжение политики в частную жизнь, крайняя сложность общественного и индивидуального развития, которую почувствовали в конце века символисты и которая снова возникла перед писателями. На Западе немногие видели тогда единственно верный путь революционной борьбы. Стоит напомнить: когда началась война, националистическому опынению поддались такие люди как Анатоль Франс и Анри Барбюс. В свете опыта военных лет многим художникам будущее представлялось невообразимым кровавым хаосом. И каждый — в одиночку или с немногочисленными единомышленниками — пытался дать ответ на грозные вопросы. Не на один вопрос — это еще ничего не решало, а на все вопросы сразу. И почти каждое возникавшее в те годы течение (сначала — футуризм и экспрессионизм, позднее — сюрреализм) претендовало не только и не столько на переворот в искусстве, сколько на полное обновление бы-

⁷ Woolf Virginia. Mr. Bennet and Mrs. Brown. In: Collected Essays in four volumes. London, 1966, vol. I, p. 319.

⁸ Goldmann L. Introduction aux premiers écrits de Lukacs. In: Lukacs Georges. La théorie du roman, pp. 164—165.